

**Министерство образования и науки Украины
Сумской государственной педагогической
университет имени А. С. Макаренка**

Факультет иностранной и славянской филологии
Кафедра русского языка, зарубежной литературы и
методики их преподавания

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
для иностранных студентов**

Сумы 2018

Рекомендовано к печати ученым советом
факультета иностранной и славянской филологии
Сумского государственного педагогического университета
имени А. С. Макаренко
(протокол № 4 от 29 ноября 2018 г.)

**Хрестоматия по детской литературе : для
иностраннных студентов / Сост. З. В. Савченко. – Суми :
Вид-во СумДПУ імені А. С. Макаренка, 2018. – 115 с.**

Хрестоматия составлена с учетом уровня подготовки иностранных студентов II-го года обучения. В пособии собраны тексты, представляющие основные тематические блоки детской литературы. С целью контроля формирования читательской культуры студентов используются задания, направленные на развитие связной речи, логического мышления, понимания особенностей детской литературы как особой сферы влияния на ребенка.

СОДЕРЖАНИЕ

Детская литература: общая характеристика.....	4
Стихотворения для детей дошкольного и младшего школьного возраста.....	6
Агния Барто	6
Самуил Маршак	8
Корней Чуковский	15
Детские сказки	28
Русские народные сказки	29
Арабские народные сказки.....	33
Авторские сказки	36
Природоведческая литература для детей	71
Мир детства в художественной литературе	95

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Литература для детей и юношества – область художественного творчества. Включает произведения, написанные специально для детей и отвечающие духовным и эстетическим запросам ребенка, возможностям его восприятия. Среди искусств, адресованных непосредственно детям, литературе принадлежит ведущая роль. С ней связывают большие возможности умственного, трудового, нравственного, физического, эстетического воспитания детей, расширение их кругозора.

Детская литература является неотъемлемой частью жизни и быта каждого ребенка. Чтение книг – это и игра, и учеба. С помощью литературы дети познают внешний мир, учатся выражать свои эмоции, общаться с окружающими, получают представление о том, что такое добро и зло, настоящие жизненные ценности.

Для детской литературы характерны:

Широта тематики
Доступность содержания
Простота и динамичность сюжета
Яркость образов, предметность и зримость
Ярко выраженное отношение автора к поступкам героев
Точный, образный, эмоциональный язык
Наличие соответствующих тексту выразительных иллюстраций

Виды (жанры) детской литературы:

Сказка – один из основных жанров фольклора, эпическое, преимущественно прозаическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел.

Стихотворение – небольшое художественное произведение, написанное ритмически организованными, обычно рифмованными строками.

Рассказ – малая форма эпической прозы, повествовательное произведение небольшого размера.

Повесть – рассказ о последовательном ходе событий.

Поэма (баллада) – повествовательное художественное произведение в стихах.

Роман – большое по объёму повествовательное художественное произведение со сложным сюжетом.

Фэнтези – жанр литературы, примыкающий к фантастике, но в более свободной, «сказочной» манере; использует мотивы дальних перемещений в пространстве и времени, инопланетных миров, искусственных организмов, мифологию древних цивилизаций.

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В русской литературе стихотворения и стихотворные сказки для детей писали Самуил Маршак, Корней Чуковский, Агния Барто, Григорий Остер, Борис Заходер, Сергей Михалков и другие авторы.

1. АГНИЯ БАРТО

Поэтическое дарование Агнии Барто уже давно получило признание читателей, маленьких и больших. Ее первая книга вышла в 1925 году, когда автору было 19 лет, и с тех пор произведения писательницы неизменно присутствуют в домашних библиотеках молодых родителей.

Дети любят поэзию писательницы, потому что А. Барто почти всегда в своих стихах говорит от лица ребенка. Когда читаешь эти стихи, видишь, что автор живет не где-то рядом, а вместе с нашими детьми, слышит не только их разговоры, но и мысли. Именно потому стихи А. Барто так точно закрепляют все характерное для разных лет, что пережито детьми нескольких поколений, что занимало их ум, будило их чувство.

Задание: Прочитайте стихотворения А. Барто. Расскажите, о чем или о ком в них повествует автор.

<p style="text-align: center;">Мишка</p> <p>Уронили мишку на пол, Оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу – Потому что он хороший.</p>	<p style="text-align: center;">Лошадка</p> <p>Я люблю свою лошадку, Причешу ей шерстку гладко, Гребешком приглажу хвостик И верхом поеду в гости.</p>
<p style="text-align: center;">Зайка</p> <p>Зайку бросила хозяйка – Под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не мог, Весь до ниточки промок.</p>	<p style="text-align: center;">Мячик</p> <p>Наша Таня громко плачет: Уронила в речку мячик. - Тише, Танечка, не плачь, Не утонет в речке мяч.</p>

Любочка

Синенькая юбочка,
Ленточка в косе.
Кто не знает Любочку?
Любу знают все.
Девочки на празднике
Соберутся в круг.
Как танцует Любочка!
Лучше всех подруг.
Кружится и юбочка,
И ленточка в косе,
Все глядят на Любочку,
Радуются все.
Но если к этой Любочке
Вы придете в дом,
Там вы эту девочку

Узнаете с трудом.
Она кричит еще с порога,
Объявляет на ходу:
– У меня уроков много,
Я за хлебом не пойду!
Едет Любочка в трамвае –
Она билета не берет.
Всех локтями раздвигая,
Пробирается вперед.
Говорит она, толкаясь:
– Фу! Какая теснота! –
Говорит она старушке:
– Это детские места.
– Ну садись, – вздыхает та.
Синенькая юбочка,
Ленточка в косе.
Вот какая Любочка
Во всей своей красе.
Случается, что девочки
Бывают очень грубыми,
Хотя необязательно
Они зовутся Любами.

2. САМУИЛ МАРШАК

Вряд ли сегодня найдётся ребёнок, не знакомый с творчеством Самуила Яковлевича Маршака. Его стихи давно стали классическими образцами детской поэзии, они вмещают в себя едва ли не всё многообразие жизни ребёнка.

Первые детские стихи С. Я. Маршака – о самых маленьких и для самых маленьких. Предметом изображения здесь становятся простые и знакомые вещи: игрушки, игры, домашние животные. В герою этих стихотворений маленький читатель с лёгкостью узнаёт самого себя – играющего ребёнка – и ситуацию – знакомство с окружающим миром через игру.

Задание: Выразительно прочитайте стихотворения С. Я. Маршака. Расскажите, о чем или о ком повествует автор. Подумайте, какие аспекты жизни ребенка отражены в стихотворениях?

Баю-баю, детки,
На еловой ветке.
Тронет ветер вашу ель,
Закачает колыбель,
А подует во весь дух
Колыбель на землю бух.

Спросил меня голос
В пустыне дикой:
– Много ли в море
Растёт земляники?
– Столько же, сколько
Селёдок солёных
Растёт на берёзах
И ёлках зелёных.

Таблица умножения
Достойна уважения.
Она всегда во всем права:
Чтоб ни случилось в мире,
А все же будет дважды два
По-прежнему четыре.

Дай молочка, бурёнушка,
Хоть капельку – на
донышко.
Ждут меня котята,
Малые ребята.
Дай им сливок ложечку,
Творогу немножечко.
Всем дает здоровье
Молоко коровье!

Детский дом

Весною в нынешнем году
В зоологическом саду
Олень и лев, барсук и рысь
И медвежата родились.
Для них устроен детский дом
С зеленым лугом и прудом.
Они играют и лежат.
Козел бодает медвежат.
А лев и волк несутся вскачь
И разноцветный гонят мяч.
Промчатся быстро год и два,
И станет волк бояться льва,
И жить на свете будут врозь
Барсук и лев, медведь и лось.

Почему у человека две руки и один язык

Одна дана нам голова,
А глаза два
И уха два,
И два виска, и две щеки,
И две ноги, и две руки.
Зато один и нос и рот.
А будь у нас, наоборот,
Одна нога, одна рука,
Зато два рта, два языка,
Мы только бы и знали,
Что ели да болтали!

Усатый-полосатый

Жила-была девочка.

Как ее звали?

Кто звал,

Тот и знал.

А вы не знаете.

Сколько ей было лет?

Сколько зим,

Столько лет,

Сорока еще нет.

А всего четыре года.

И был у нее...

Кто у нее был?

Серый,

Усатый,

Весь полосатый.

Кто это такой? Котенок.

Стала девочка котенка спать укладывать.

- Вот тебе под спинку

Мягкую перинку.

Сверху на перинку

Чистую простынку.

Вот тебе под ушки

Белые подушки.

Одеяльце на пуху

И платочек наверху.

Уложила котенка, а сама пошла ужинать.

Приходит назад, - что такое?

Хвостик - на подушке,
На простынке - ушки.

Разве так спят? Перевернула она котенка, уложила,

как надо:

Под спинку

Перинку.

На перинку

Простынку.

Под ушки

Подушки.

А сама пошла ужинать. Приходит опять, - что такое?

Ни перинки,

Ни простынки,

Ни подушки

Не видать,

А усатый,

Полосатый

Перебрался

Под кровать.

Разве так спят? Вот какой глупый котенок!

Захотела девочка котенка выкупать.

Принесла

Кусочек

Мыла,

И мочалку

Раздобыла,

И водицы

Из котла

В чайной
Чашке
Принесла.

Не хотел котенок мыться
Опрокинул он корытце
И в углу за сундуком
Моеет лапку языком.

Вот какой глупый котенок!

Стала девочка учить котенка говорить:

- Котик, скажи: мя-чик.

А он говорит: мяу!

- Скажи: ло-шадь.

А он говорит: мяу!

- Скажи: э-лек-три-че-ство.

А он говорит: мяу-мяу!

Все «мяу» да «мяу»! Вот какой глупый котенок!

Стала девочка котенка кормить.

Принесла овсяной кашки

Отвернулся он от чашки.

Принесла ему редиски

Отвернулся он от миски.

Принесла кусочек сала.

Говорит котенок: - Мало!

Вот какой глупый котенок!

Не было в доме мышей,
а было много карандашей.

Лежали они на столе у папы

И попали котенку в лапы.

Как помчался он вприпрыжку,
карандаш поймал, как мышку,

И давай его катать

Из-под стула под кровать,

От стола до табурета,

От комода до буфета.

Подтолкнет - и цап-царап!

А потом загнал под шкаф.

Ждет на коврике у шкафа,

Притаился, чуть дыша...

Коротка кошачья лапа

Не достать карандаша!

Вот какой глупый котенок!

Закутала девочка котенка в платок и пошла с ним в сад.

Люди спрашивают: - Кто это у вас?

А девочка говорит: - Это моя дочка.

Люди спрашивают: - Почему у вашей дочки серые
щечки?

А девочка говорит: - Она давно не мылась.

Люди спрашивают: - Почему у нее мохнатые лапы, а
усы, как у папы?

Девочка говорит: - Она давно не брилась.

А котенок как выскочит, как побежит, - все и увидели,
что это котенок усатый, полосатый.

Вот какой глупый котенок!

А потом,

А потом

Стал он умным котом,
А девочка тоже выросла, стала еще умнее и учится в
первом классе сто первой школы.

3. КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Корней Иванович Чуковский по праву считается одним из любимых детских писателей. На протяжении всей своей жизни он общался с детьми, интересовался тем, о чём они говорят, думают, переживают, писал для них стихи и прозу, переводил лучшие образцы мировой детской поэзии. И всё же главным вкладом К. Чуковского в отечественную детскую литературу были и остаются его стихотворные сказки, адресованные самому маленькому читателю и ставшие неотъемлемым атрибутом детства.

Задание: Прочитайте стихотворные сказки К. Чуковского. Подумайте, чему они могут научить детей?

Мойдодыр
Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.
Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,

Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!
Я хочу напиться чаю,
К самовару подбегаю,
А пузатый от меня,
Убежал, как от огня.
Что такое,
Что случилось?
Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?
Утюги за сапогами,
Сапоги за пирогами,
Пироги за утюгами,
Кочерга за кушаком —
Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.
Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:
«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,

Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Рано утром на рассвете
Умываются котята,
И мышата, и утята,
И жучки, и паучки.

Ты один не умывался
И грязнулею остался,
И сбежали от грязнули
И чулки и башмаки.

Я — Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник

И мочалок Командир!

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоюют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут —

Прямо в Мойку,

Прямо в Мойку
С головою окунут!»
Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»
И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:
«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»
Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.
А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.
Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.
Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил.

И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

А потом как зарычит

На меня,

Как ногами застучит

На меня:

«Уходи-ка ты домой,

Говорит,

Да лицо своё умой,

Говорит,

А не то, как налечу,

Говорит,

Растопчу и проглочу!»

Говорит.

Как пустился я по улице бежать,
Прибежал я к умывальнику опять.

Мылом, мылом

Мылом, мылом

Умывался без конца,

Смыл и ваксу

И чернила

С неумытого лица.

И сейчас же брюки, брюки

Так и прыгнули мне в руки.

А за ними пирожок:

«Ну-ка, съешь меня, дружок!»

А за ним и бутерброд:

Подбежал — и прямо в рот!

Вот и книжка воротилась,
Воротилась тетрадь,
И грамматика пустилась
С арифметикой плясать.
Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:
«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!»
Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!
Давайте же мыться, плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане, —

И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

Бармалей

Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы.
Будут вас кусать,
Бить и обижать,-
Не ходите, дети,
В Африку гулять.
В Африке разбойник,
В Африке злодей,
В Африке ужасный
Бар-ма-лей!
Он бегает по Африке
И кушает детей -
Гадкий, нехороший, жадный Бармалей!
И папочка и мамочка
Под деревом сидят,
И папочка и мамочка
Детям говорят:

«Африка ужасна,

Да-да-да!

Африка опасна,

Да-да-да!

Не ходите в Африку,

Дети, никогда!»

Но папочка и мамочка уснули вечерком,

А Танечка и Ванечка - в Африку бегом,-

В Африку!

В Африку!

Вдоль по Африке гуляют.

Фиги-финики срывают,-

Ну и Африка!

Вот так Африка!

Оседлали носорога,

Покаталися немного,-

Ну и Африка!

Вот так Африка!

Со слонами на ходу

Поиграли в чехарду,-

Ну и Африка!

Вот так Африка!

Выходила к ним горилла,

Им горилла говорила,

Говорила им горилла,

Приговаривала:

«Вон акула Каракула

Распахнула злую пасть.

Вы к акуле Каракуле
Не хотите ли попасть
 Прямо в пасть?»
«Нам акула Каракула
 Нипочём, нипочём,
Мы акулу Каракулу
Кирпичом, кирпичом,
Мы акулу Каракулу
 Кулаком, кулаком!
Мы акулу Каракулу
Каблуком, каблуком!»
 Испугалася акула
 И со страху утонула,-
Поделом тебе, акула, поделом!
Но вот по болотам огромный
 Идёт и ревёт бегемот,
Он идёт, он идёт по болотам
 И громко и грозно ревёт.
А Таня и Ваня хохочут,
Бегемотово брюхо щекочут:
 «Ну и брюхо,
 Что за брюхо -
 Замечательное!»
Не стерпел такой обиды
 Бегемот,
Убежал за пирамиды
 И ревёт.
Бармалея, Бармалея

Громким голосом

Зовёт:

«Бармалей, Бармалей, Бармалей!

Выходи, Бармалей, поскорей!

Этих гадких детей, Бармалей,

Не жалея, Бармалей, не жалея!»

Таня-Ваня задрожали -

Бармалея увидали.

Он по Африке идёт,

На всю Африку поёт:

«Я кровожадный,

Я беспощадный,

Я злой разбойник Бармалей!

И мне не надо

Ни мармелада,

Ни шоколада,

А только маленьких

(Да, очень маленьких!)

Детей!»

Он страшными глазами сверкает,

Он страшными зубами стучит,

Он страшный костёр зажигает,

Он страшное слово кричит:

«Карабас! Карабас!

Пообедаю сейчас!»

Дети плачут и рыдают,

Бармалея умоляют:

«Милый, милый Бармалей,

Смилуйся над нами,
Отпусти ты поскорей
К нашей милой маме!
Мы от мамы убежать
Никогда не будем
И по Африке гулять
Навсегда забудем!

Милый, милый людоед,
Смилуйся над нами,
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями!»

Но ответил людоед:
«Не-е-ет!!!»

И сказала Таня Ване:
«Посмотри, в аэроплане
Кто-то по небу летит.
Это доктор, это доктор,
Добрый доктор Айболит!».

Добрый доктор Айболит
К Тане-Ване подбегает,
Таню-Ваню обнимает
И злодею Бармалею,
Улыбаясь, говорит:
«Ну, пожалуйста, мой милый,
Мой любезный Бармалей,
Развяжите, отпустите
Этих маленьких детей!»

Но злодей Айболита хватает

И в костёр Айболита бросает.
И горит, и кричит Айболит:
«Ай, болит! Ай, болит! Ай, болит!»
А бедные дети под пальмой лежат,
На Бармалея глядят
И плачут, и плачут, и плачут!
Но вот из-за Нила
Горилла идёт,
Горилла идёт,
Крокодила ведёт!
Добрый доктор Айболит
Крокодилу говорит:
«Ну, пожалуйста, скорее
Проглотите Бармалея,
Чтобы жадный Бармалей
Не хватал бы,
Не глотал бы
Этих маленьких детей!»
Повернулся,
Улыбнулся,
Засмеялся
Крокодил
И злодея
Бармалея,
Словно муху,
Проглотил!
Рада, рада, рада, рада детвора,
Заплясала, заиграла у костра:

Но в животе у Крокодила
Темно, и тесно, и уныло,
И в животе у Крокодила
Рыдает, плачет Бармалей:
«О, я буду добрей,
Полюблю я детей!
Не губите меня!
Пощадите меня!
О, я буду, я буду, я буду добрей!»
Пожалели дети Бармалея,
Крокодилу дети говорят:
«Если он и вправду сделался добрее,
Отпусти его, пожалуйста, назад!
Мы возьмём с собою Бармалея,
Увезём в далёкий Ленинград!»
Крокодил головою кивает,
Широкую пасть разевает-
И оттуда, улыбаясь, вылетает Бармалей,
А лицо у Бармалея и добрее и милей:
«Как я рад, как я рад,
Что поеду в Ленинград!»

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

С древних времен сказка является неотъемлемой частью воспитания каждого ребенка. Она помогает родителям доступным языком научить детишек жизни, рассказать им о добре и о зле. Для детей сказка намного понятнее пресных и скучных речей взрослых. Именно поэтому, чтобы поддержать малыша, объяснить и научить его чему-нибудь, родителям необходимо вспомнить главный язык детства – мудрую и очень интересную сказку.

Роль детской сказки в воспитании ребенка нельзя не заметить. Представляя сказочные образы, дети учатся понимать внутреннее состояние героев, сопереживать им, начинают верить в силы добра. С помощью сказки можно не только приятно провести время, но и снять тревогу с души малыша. Сказка помогает расширить словарный запас ребенка, а также развить связную логическую речь. Благодаря сказкам речь малыша становится более эмоциональной, образной, красивой. Эти волшебные истории способствуют общению, формируют умение задавать вопросы, закладывают первые представления о человеческих ценностях, влияют на становление личностных качеств ребенка.

Задание:

- Прочитайте и перескажите предложенные ниже сказки

- Назовите героев каждой сказки, дайте им характеристику
- Сформулируйте идею каждой сказки
- Определите познавательное и воспитательное значение каждой сказки
- Определите возраст, которому доступна каждая сказка

1. РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась. Даже кумой ему стала, когда у медведицы появился медвежонок.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж как я тебя угощу!

Идёт журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и угощает:

— Покушай, мой голубчик куманек! Сама готовила.

Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает. А лисица в это время лижет себе да лижет кашу — так всю сама и слизала. Каша съедена; лисица и говорит:

— Не обессудь, любезный кум! Больше угощать нечем!

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи теперь ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, выложил в кувшин с маленьким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Правда, больше нечем угощать.

Лисица начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его и понюхает; всё ничего не достаёт! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел.

— Не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада: думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось. С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

ТЕРЕМОК

Стоит в поле теремок. Бежит мимо мышканорушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет? Никто не отзывается. Вошла мышка в теремок и стала там жить.

Прискакала к терему лягушка-квакушка и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка! А ты кто?

— А я лягушка-квакушка.

— Иди ко мне жить! Лягушка прыгнула в теремок. Стали они вдвоем жить.

Бежит мимо зайчик-побегайчик. Остановился и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка!

— Я, лягушка-квакушка!

— А ты кто?

— А я зайчик-побегайчик.

— Иди к нам жить! Заяц скок в теремок! Стали они втроем жить.

Идет мимо лисичка-сестричка. Постучала в окошко и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— А ты кто?

— А я лисичка-сестричка.

— Иди к нам жить! Забралась лисичка в теремок. Стали они вчетвером жить.

Прибежал волчок-серый бочок, заглянул в дверь и спрашивает:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— Я, лисичка-сестричка.

— А ты кто?

— А я волчок-серый бочок.

— Иди к нам жить!

Волк влез в теремок. Стали они впятером жить. Вот они в теремке живут, песни поют.

Вдруг идет медведь косолапый. Увидел медведь теремок, услышал песни, остановился и заревел во всю мочь:

— Терем-теремок! Кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, зайчик-побегайчик.

— Я, лисичка-сестричка.

— Я, волчок-серый бочок.

— А ты кто?

— А я медведь косолапый.

— Иди к нам жить!

Медведь и полез в теремок. Лез-лез, лез-лез — никак не мог влезть и говорит:

— А я лучше у вас на крыше буду жить.

— Да ты нас раздавишь.

— Нет, не раздавлю.

— Ну так полезай! Влез медведь на крышу и только уселся — трах! — развалился теремок.

Затрещал теремок, упал набок и весь развалился. Еле-еле успели из него выскочить мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок — все целы и невредимы.

Принялись они бревна носить, доски пилить — новый теремок строить.

Лучше прежнего выстроили!

2. АРАБСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ХЛЕБ И ЗОЛОТО

Аббас был бедный феллах (феллах — это крестьянин). Целыми днями трудился он, чтобы добыть пропитание себе и своей семье, а в свободные часы все думал о том, как бы найти клад, который избавил бы его от нужды.

Однажды в очень жаркий день Аббас, как обычно, работал в поле. Почувствовав сильную усталость, он сел под дерево и принялся мечтать: «Если бы Аллах дал мне волшебную силу, чтобы я мог превращать все, чего ни коснусь рукой, в золото, — вот тогда бы я избавился от тяжкого труда и жил бы в полном довольстве».

И вдруг он услышал голос:

- О Аббас! Сейчас ты получишь то, чего тебе так хочется! Положи свою руку на какой-нибудь предмет — и он тотчас превратится в чистое золото.

Аббас не поверил своим ушам. Но все же потянулся к земле и взял маленький камешек. Едва он коснулся его — камешек тут же превратился в чистое золото. Потом Аббас дотронулся до другого камня — и тот тоже стал золотым.

Аббас очень обрадовался и подумал: «Сейчас я отправлюсь в город и превращу пыль и камни в золото... Потом куплю много земли, построю на берегу

реки дворец, окружу его огромным садом... Я куплю прекрасных коней и облачусь в роскошные одежды...»

Тут он хотел подняться, но, почувствовав сильную усталость, голод и жажду, понял, что не сможет идти.

«Съем-ка я то, что принес с собою утром из дому», - решил он и протянул руку к завтраку, который лежал в маленьком мешочке возле дерева. Аббас взял лепешку, но, положив ее в рот, почувствовал металл. И хлеб превратился в золото!

В мешочке оставалась еще луковица. Аббас поспешно схватил ее. Каково же было его смятение, когда и луковица стала золотым слитком, который он не мог съесть!

Аббас страшно перепугался. Как он будет теперь пить и есть? Как будет жить в этом мире золотых слитков? Ведь так он очень скоро умрет от голода и жажды, даже не попользовавшись золотом, которое без труда дается ему теперь в руки.

Так думал Аббас, представляя, как умрет в муках от голода и жажды, раз все, чего бы он ни коснулся, превращается в золото.

Но тут он открыл глаза и увидел себя примостившимся в тени дерева и понял, что он просто грезил. Глубокий вздох облегчения вырвался из его груди; словно гора свалилась у него с плеч.

- Слава Аллаху, что все это было лишь сном! — проговорил он.

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Один из иранских шахов был таким толстым и грузным, что это было во вред его здоровью. Он собрал всех врачей и потребовал, чтобы они его вылечили. Но что те ни делали, шах продолжал толстеть и толстеть.

И вот однажды пришел к нему один умный врач.

- Я вылечу, о шах, - сказал он.- Дай мне три дня сроку, чтобы подумать, какое лекарство выбрать.

Когда прошло три дня, врач сказал:

- О шах! Я изучил твою судьбу и установил, что тебе осталось жить всего лишь сорок дней. Если ты мне не веришь, заключи меня в темницу и отомсти мне.

Шах приказал посадить врача в тюрьму, а сам, охваченный тоскливыми думами о близкой смерти, отказался от развлечений и верховой езды. Забота и грусть овладела им. Шах стал избегать людей. С каждым днем увеличивалась его тоска, и он худел и худел.

Когда же прошло сорок дней, он приказал привести из тюрьмы врача и спросил его, почему он, шах, еще жив.

- О шах! – ответил врач.- Я пошел на хитрость, чтобы заставить тебя похудеть. Иного полезного лекарства я для тебя не нашел.

И шах щедро отблагодарил его.

3. АВТОРСКИЕ СКАЗКИ

Шарль Перро

ПОДАРКИ ФЕИ

Жила когда-то на свете вдова, и были у неё две дочери. Старшая – вылитая мать: то же лицо, тот же характер, смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь, и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца – добрая, приветливая, кроткая, да к тому же ещё и красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла её работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был, по крайней мере, в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

– Пейте на здоровье, тётушка, – сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтоб удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

– Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про неё рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадёт с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить её за то, что она замешкалась у источника.

– Простите, матушка, – сказала бедная девушка. – Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ её упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

– Смотрите-ка! – сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления. – Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга... Что это с тобой приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всём, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом с её уст.

– Ну, если так, – сказала мать, – надо мне послать к источнику и старшую дочку...

А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиться.

– Ну вот ещё! Охота мне тащиться в этакую даль! – отвечала злючка.

– А я хочу, чтобы ты пошла! – прикрикнула на неё мать. – И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

– Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиться? – сказала девушка дерзко. –

Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне всё равно. Пейте, если хотите...

– Однако вы не очень-то любезны, – сказала спокойно фея. – Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвётся с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

– Это ты, доченька? Ну как?

– А вот так, матушка! – буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

– Ах, боже мой! – вскрикнула мать. – Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всём виновата. Ну, поплатится же она у меня!.. – И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил её молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашёл в чаще прекрасную девушку и, подивившись её красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чём так горько плачет.

– Ах, сударь, – ответила красавица, – матушка прогнала меня из дому!..

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в неё. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увёз девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну а старшая сестра с каждым днём становилась всё противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала её из дому. Несчастливая нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

Ганс Христиан Андерсен

РОМАШКА

Вот послушайте-ка!

За городом, у самой дороги, стояла дача. Вы, верно, видели её? Перед ней ещё небольшой садик, обнесённый крашеною деревянною решёткой.

Неподалёку от дачи, у самой канавы, росла в мягкой зелёной траве ромашка.

Солнечные лучи грели и ласкали её наравне с роскошными цветами, которые цвели в саду перед дачей, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро она распустилась совсем —

жёлтое, круглое, как солнышко, сердечко её было окружено сиянием ослепительно белых мелких лучей-лепестков. Ромашку ничуть не заботило, что она такой бедненький, простенький цветочек, которого никто не видит и не замечает в густой траве; нет, она была довольна всем, жадно тянулась к солнцу, любовалась им и слушала, как поёт где-то высоко-высоко в небе жаворонок.

Ромашка была так весела и счастлива, точно сегодня было воскресенье, а на самом-то деле был всего только понедельник; все дети смирно сидели на школьных скамейках и учились у своих наставников; наша ромашка тоже смирно сидела на своём стебельке и училась у ясного солнышка и у всей окружающей природы, училась познавать благодать божью. Ромашка слушала пение жаворонка, и ей казалось, что в его громких, звучных песнях звучит как раз то, что таится у неё на сердце; поэтому ромашка смотрела на счастливую порхающую певунью птичку с каким-то особым почтением, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не может ни летать, ни петь. «Я ведь вижу и слышу всё! — думала она. — Солнышко меня ласкает, ветерок целует! Как я счастлива!»

В садике цвело множество пышных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы так и раздували щёки — им всё хотелось стать побольше роз; да разве в величине дело? Пестрее, наряднее тюльпанов никого не было, они отлично

знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Никто из гордых цветов не замечал маленькой ромашки, росшей где-то у канавы.

Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная певунья птичка! Слава богу, что я расту так близко — увижу всё, налюбуюсь вдоволь!» Вдруг раздалось «квир-квир-вит!», и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямёхонько в траву, к скромной ромашке! Ромашка совсем растерялась от радости и просто не знала, что ей думать, как быть!

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая славная мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платице, с золотым сердечком!»

Жёлтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золотое, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала её, спела ей песенку и опять взвилась к синему небу. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась от такого счастья. Радостно-застенчиво глянула она на пышные цветы — они ведь видели, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оценить его, как не им! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснели с

досады, а пионы прямо готовы были лопнуть! Хорошо, что они не умели говорить — досталось бы от них ромашке! Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и очень огорчилась.

В это время в садике показалась девушка с острым блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка так и ахнула. «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла в густой траве, где её никто не видел и не замечал. Солнце село, она свернула лепестки и заснула, но и во сне всё видела милую птичку и красное солнышко.

Утром цветок опять расправил лепестки и протянул их, как дитя ручонки, к светлomu солнышку. В ту же минуту слышался голос жаворонка; птичка пела, но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о просторе неба, о свежей зелени полей, о том, как хорошо и привольно было летать на свободе! Тяжело-тяжело было у бедной птички на сердце — она была в плену!

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но чём? И ромашка забыла и думать о том, как хорошо было вокруг, как славно грело солнышко, как блестели её серебряные лепестки; её мучила мысль, что она ничем не могла помочь бедной птичке.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

— Вот здесь можно вырезать славный кусок дёрна для нашего жаворонка! — сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож в землю, начал вырезать четырёхугольный кусок дёрна; ромашка очутилась как раз в середине его.

— Давай вырвем цветок! — сказал другой мальчик, и ромашка затрепетала от страха: если её сорвут, она умрёт, а ей так хотелось жить! Теперь она могла ведь попасть к бедному пленнику!

— Нет, пусть лучше останется! — сказал первый из мальчиков. — Так красивее!

И ромашка попала в клетку к жаворонку. Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. А бедная ромашка не умела говорить и не могла утешить его ни словечком. А уж как ей хотелось! Так прошло всё утро.

— Тут нет воды! — жаловался жаворонок. — Они забыли дать мне напиться, ушли и не оставили мне ни глоточка воды! У меня совсем пересохло в горлышке! Я весь горю, и меня знобит! Здесь такая духота! Ах, я умру, не видать мне больше ни красного солнышка, ни свежей зелени, ни всего божьего мира!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил клюв в свежий, прохладный дёрн, увидел ромашку, кивнул ей головой, поцеловал и сказал:

— И ты завянешь здесь, бедный цветок! Тебя да этот клочок зелёного дёрна — вот что они дали мне взамен всего мира! Каждая травинка должна быть для меня теперь зелёным деревом, каждый твой лепесток — благоухающим цветком. Увы! Ты только напоминаешь мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» — думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочком и только всё сильнее и сильнее благоухала. Жаворонок заметил это и не тронул цветка, хотя повыщипал от жажды всю траву.

Вот и вечер прошёл, а никто так и не принёс бедной птичке воды. Тогда она распустила свои коротенькие крылышки, судорожно затрепетала ими и ещё несколько раз жалобно пропищала:

— Пить! Пить!

Потом головка её склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка также не могла больше свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она была совсем больна и стояла, грустно повесив головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мёртвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю украсили её цветами, а

самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку — его хотели похоронить по-царски! Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней, оставили её умирать в клетке от жажды, а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над её могилкой горькие слёзы!

Дёрн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая всё-таки больше всех любила бедную птичку и всем сердцем желала её утешить.

Самуил Маршак

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу еще не бывало так, чтобы февраль пришел раньше, чем уйдет январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось? А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица — все не так, как ни повернется — все не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присест некогда было: то воды натаскай, то хворосту из лесу привези, то белье на речке выполощи, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шел январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь и поглядела, как метет вьюга, а потом вернулась к теплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает ее в лес? Страшно теперь в лесу! Да

и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадешь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если и пропадешь, так плакать о тебе никто не станет. Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с нее рвет. Идет она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Все темнее становится кругом. Небо черное, ни одной звездочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Все равно, думает, где замерзнуть.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонек — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонек. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. "Только бы, — думает, — огонек не погас!" А он не гаснет, он все ярче горит. Уж и теплым дымком запахло и слышно стало, как потрескивает в огне хворост. Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костер горит, чуть ли не до самого

неба достаёт. А вокруг костра сидят люди - кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше: вон они какие нарядные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зеленом бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем ещё мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородатый, бровастый - и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

— Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит:

— Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

— Не я выдумала, — отвечает девочка, — а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться. Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдешь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут.

— В лесу останусь, — говорит девочка. — Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замерзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала. И вдруг один из двенадцати, самый молодой, веселый, в шубке на одном плече, встал и подошел к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час свое место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

— Ладно уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с растрепанной бородой. — Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо ее знаем: то у проруби ее встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

— Ну, будь по-вашему, — сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,

В заповедном бору,

У сосны, у березы

Не грызите кору!
Полно вам воронье
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черед, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшему брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,

Дуйте что есть мочи!

Вихри, вьюги и бураны,

Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,

Вейтесь над землею.

Пусть бежит в полях поземка

Белою змеею!

Только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черед, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвел подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке!

Под ногами у нее — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под темной кожуры первые зеленые листики.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками — куда ни поглядишь. Набрала она полную корзину, полный передник — и скорее опять на полянку, где костер горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошел над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой. А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну, что, — спросили ее мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали? — Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблоч да груш сладких, у другого — земляники

спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свежих огурчиков!

— Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уже за дверью. Убежала в лес!

Идет по сестриным следам, торопится. «Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!»

Лес все гуще, все темней. Сугробы все выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в теплой постели, а теперь ходи да мерзни! Еще пропадешь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонек — точно звездочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонек. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костер горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по ее следам.

— Сестру твою мы знаем, — говорит Январь-месяц, — а тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц — орехов спелых. А Октябрь...

— погоди, — говорит Январь-месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко еще до июня-месяца. Я теперь лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь, какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе и пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождешься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба, заволокла и деревья и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка. — Перестань! — кричит. — Хватит!

Да где там!

Кружит ее метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело ее снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала — нет ее, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдешь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замерзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у нее, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! — говорили люди.

Кто знает — может, так оно и было.

ИСТОРИЯ ГУСЕНИЦЫ

Вдоль садовой ограды малина и смородина росли так тесно, что казалось, там больше не поместиться и травинке, но крапива, видно, так не считала: ух, сколько ее там было!

Там-то и жила Гусеница.

Жила она на самом большом кусте крапивы и с утра до ночи жевала крапиву — это было все, что она умела делать, бедняжка!

Но не подумайте, что она жаловалась на свою судьбу. Ничего подобного!

— Ах, как хорошо жить на свете, когда крапивы вдоволь! — приговаривала она в те редкие минуты, когда переставала жевать. — Да, это и называется — жить в свое удовольствие! Как хорошо!

А кругом и правда было так хорошо!

Солнце с каждым днем поднималось все выше, сияло все ярче, грело все сильнее — и на земле все старались ему подражать: деревья, кусты и травы тянулись в вышину; речка сверкала так, что больно было смотреть; все теплее становился ветер, а луг покрылся тысячами маленьких желтых солнышек — это расцвели одуванчики.

Что говорить — была весна!

Но Гусеница и знать не желала о весне.

Она никогда не оглядывалась вокруг. Она смотрела только на крапиву, видела только крапиву, думала только о крапиве и жевала, жевала, жевала крапиву...

Даже Лесной Клоп, который жил по соседству, на ветке смородины, находил, что это чересчур.

— Конечно, еда — дело важное, — объяснял он Тлям, сидевшим под листом, — но нельзя же из-за еды — тем более из-за крапивы — забывать обо всем на свете! Где, спрашиваю я, где у этой Гусеницы высшие, духовные интересы? Тут ими и не пахнет!

И Тли, хотя они и ничего не понимали в этих рассуждениях, хором поддакивали Клопу: ведь сам-то Клоп, что и говорить, умел не только есть, но и пахнуть, да еще как — особенно когда волновался. А он всегда волновался, если ему возражали...

Но Гусеница и не думала волноваться. Она, можно сказать, и ухом не вела (тем более что ушей у нее не было).

— Я выше этих пересудов, — ворчала она. — Я занимаюсь делом, а на всех остальных мне наплевать!

Спору нет, свое дело она знала: ведь далеко не каждый сумеет с утра до ночи глодать сырую крапиву и ни разу не обжечься! И все-таки... И все-таки, по моему, ей не следовало так презирать всех остальных! Например, птиц.

— Поют, — сердито ворчала она, когда птицы распевали свои лучшие песни. — Поют и чирикают! Пустозвоны! Песнями сыт не будешь!

— Ах, нет! Петь — это так прекрасно! — вздохнул молоденький Кузнечик, который умел играть на своей скрипочке одну-единственную ноту. — Я бы так хотел петть, как птица!

— Ну и пой! Пой на здоровье! — хихикнула Гусеница. — Можешь даже летать! Самое подходящее занятие для пустозвона!

— А... ведь... когда-нибудь... и ты... будешь... летать, соседка... — раздался чей-то медленный, скрипучий голос.

Гусеница так изумилась, что даже оглянулась.

Это говорила мудрая старая Улитка. К ее словам нельзя было не прислушаться: все знали, что она старше всех на свете — ей было два, а то и три года — и она много повидала на своем веку.

— Это вы мне? — спросила Гусеница.

— Да... да... именно тебе... Когда-нибудь у тебя вырастут крылья, и ты... будешь... летать... почти... как...

Но Гусеница не дала ей договорить.

— Какая чушь! — крикнула она. — Я — летать? Нет уж, спасибо! Да ни за что на свете! Пусть этой чепухой занимаются птицы! Бессмысленные, пустоголовые твари!

— Ты бы... поосторожнее... о птицах... — проговорила Улитка, опасливо втянув рожки. — Ведь... они... могут... тебя съесть!

Тут Гусеница чуть не подавилась от возмущения.

— Съесть меня? — крикнула она. — Съесть меня? Меня никто не может съесть! Я волосатая и очень-очень противная на вкус! — с гордостью проговорила она, немного успокоившись. — Это видит всякий, у кого есть глаза! Да! Меня никто не может съесть! Есть — это мое дело!

И она было уже собралась заняться своим делом, как вдруг...

Как вдруг что-то огромное, страшное с шумом и свистом налетело на нее. Гусеница почувствовала, что ее стиснули, подхватили и понесли высоко-высоко, в самое небо...

«Ну что ж, попила, поела — недаром жизнь прожила», — мелькнуло у Гусеницы в голове. Бедняжка решила, что пришла ее смерть...

На самом деле это был Скворушка, совсем молоденький, желторотый: он даже не знал, что таких гусениц не едят, и был очень горд своей добычей.

— Мама, мама! Гляди, чего я нашел! — крикнул он, усаживаясь на ветку перед скворечником, прибитым на очень высокой елке.

Из скворечника выглянула мама Скворчиха.

— Брось немедленно эту гадость! — строго сказала она. — Ох уж эти дети! Всякую дрянь тащат в рот! Брось сейчас же, а то у тебя живот заболит.

Скворушка, к счастью для себя — а особенно для Гусеницы! — был послушным ребенком. Он немедленно выпустил Гусеницу из клюва, и она стремглав полетела вниз.

Но, надо отдать ей справедливость, она не потеряла головы: падая, она успела выпустить шелковинку, и чем длиннее становилась шелковинка, тем плавнее становилось падение. А вскоре шелковинка зацепилась за сучок. Гусеница ловко подтянулась и наконец, слегка помятая и очень испуганная, уселась на сучке и смогла перевести дух.

Чуть-чуть отдышавшись, она почувствовала сильный голод и огляделась в поисках своей любимой крапивы.

И она увидела...

Она увидела луг, и речку, и лес за рекой — весь мир, большой и широкий мир, в котором она родилась и выросла и которого никогда не замечала.

— Сколько крапивы! — вырвалось у нее. — Я и не знала, что на свете так много крапивы!

— Извините, вы что-то сказали? — спросил чей-то бас у нее над самым ухом (хотя ушей у нее, как вы помните, не было).

Гусеница вздрогнула и обернулась.

Возле нее сидел Жук, такой большой, что просто странно, как это она не заметила, когда он появился. Он был весь закован в блестящий темно-коричневый панцирь, а на голове у него торчала пара длинных, грозных рогов.

— Я сказала, как много крапивы, — объяснила она, против обыкновения, довольно вежливо: уж очень внушительный вид был у Жука.

— Крапивы? Где? — переспросил Жук удивленно.

— Ну, всюду! — Гусеница повела головой.

Но Жук продолжал недоумевать.

— Если вы имеете в виду вот это, — показал он вперед, — то это вовсе не крапива! Это речка!

— Да нет! Вон там, наверху!

— Наверху? — засмеялся Жук. — Это небо! Уверю вас, там нет никакой крапивы!

— То-то, я смотрю, цвет какой-то странный, — согласилась Гусеница. — А вон там, впереди? Там все зеленое — это, уж конечно, крапива!

— Да что вы, — удивился Жук, — это же лес! Лес!

— Это еще что такое? — буркнула Гусеница. Ей стало уже неинтересно слушать.

Но Жуку, видно, понравилось объяснять.

— Лес — это замечательная вещь! — с воодушевлением продолжал он. — Это много-много деревьев, и кустов, и трав, и... и всего, чего душе угодно!..

— Значит, там-то есть крапива? — перебила его Гусеница.

— Еще бы! — ответил Жук. — Крапивы там хоть отбавляй! Но что крапива! Там есть вещи гораздо повкусней! Например, ягоды! Земляника! Или листья на березах! Объедение! Куда лучше крапивы!

— Сомневаюсь, — сухо сказала Гусеница.

— Уверяю вас! — горячо продолжал Жук, — Хотите, полетим туда! И вы сами убедитесь!

Гусеница пробормотала что-то невнятное. Ей почему-то было стыдно признаться, что она не умеет летать.

Но Жук ничего не заметил. Он был занят: приподняв жесткие блестящие надкрылья, он развернул пару чудесных прозрачных крыльев и загудел, накачиваясь воздухом, — так делают все жуки, готовясь в полет.

— Полетели! — крикнул он наконец, и Гусеница осталась одна...

— Подумаешь, расхвастался, надутый! — обиженно сказала она. — У меня тоже будут крылья! Вот!

— Вы были правы, соседка, — сказала она Улитке, когда, после долгого и трудного путешествия по стволу елки, добралась наконец до родной крапивы и утолила первый голод (люди в таких случаях говорят «заморила червячка», но, конечно, Гусенице это выражение вряд ли бы понравилось).

— Права?.. Я всегда права... А ты... о чем, соседка?
— спросила Улитка.

— Я поняла, что мне нужны крылья! Я очень рада, что они у меня будут! И поскорей бы! Ведь тогда я полечу и съем весь этот вкусный... как его... ага, лес!

Улитка только покачала головой. Зато Лесной Клоп, который с интересом прислушивался к их разговору, с довольным видом сказал:

— Не говорил ли я? Не говорил ли я, что, когда она повидает свет, у нее сильно расширится кругозор?

И Тли, хотя и не могли припомнить ничего подобного, разумеется, дружно с ним согласились, чтобы не волновать Клопа...

Гусеница их уже не слушала: она принялась грызть крапиву. Ведь теперь ей еще больше хотелось вырасти и поскорее стать крылатой.

Но хотя грызла она свою крапиву с прежним аппетитом и крапивы было по-прежнему вдоволь, не все оставалось по-прежнему.

Одуванчики давно отцвели и облетели; на лугу появились новые цветы; вскоре отцвели и они — ведь цветы живут так недолго.

Изменилась и сама Гусеница. Она очень выросла — и не мудрено, ведь на аппетит она никогда не могла пожаловаться! А главное, она стала совершать поступки, которых от нее никак нельзя было ожидать!

Порой, например, она переставала грызть крапиву, поднимала голову и озиралась, словно чего-то ждала.

А иногда она даже вползала на самую верхушку куста и подолгу смотрела вдаль.

Конечно, она бы ни за что и никому — даже самой себе! — не призналась, что ей хочется снова увидеть небо, и речку, и луг, и лес...

Но вокруг ничего не было видно, кроме листьев крапивы — крапива тоже очень разрослась к этому времени! — и Гусеница спускалась вниз и со вздохом принималась грызть самый большой и сочный крапивный лист.

А однажды Гусенице приснился сон. Кто бы мог подумать! Да, да, самый настоящий сон!

...Она вдруг стала большая-пребольшая; кожа на спине у нее лопнула, приподнялась — точь-в-точь как у Жука! — развернулись два огромных перепончатых крыла, и она взлетела!

Вот она кружит над елкой — скворцы в ужасе прячутся в свой скворечник, а Гусенице и нет до них дела: мерно взмахивая могучими крыльями, она летит над лугом, над речкой — туда, к далекой синеющей полосе леса.

Вот-вот она будет там... Остается всего несколько взмахов... Но тут с шумом и свистом налетает страшный вихрь... крылья обрываются... и она падает... падает... падает...

Она проснулась, вздрогнув, и от ее резкого движения что-то полупрозрачное, легкое, как мушиное

крыло, сорвалось с листа и, покачиваясь, медленно, плавно опустилось на землю. Ее крыло!

Но нет, это была всего-навсего ее старая шкурка. Гусеница так выросла, что уже не помещалась в ней, и шкурка лопнула и свалилась...

Так, значит, она просто-напросто перелиняла во сне? А крыльев у нее все нет? Да и будут ли они когда-нибудь? Ведь время идет и идет...

Да, время шло и шло. И хотя лето было в самом разгаре, и солнце, казалось, грело сильнее прежнего, и на смену отцветшим цветам приходили все новые — что-то ушло вместе с ушедшей весной.

Гусеница и сама не понимала, что ей чего-то не хватает, как однажды у нее вдруг вырвалось:

— Как жаль, что птицы больше не поют!

Она тут же испуганно оглянулась — не слышал ли кто ее странных слов?

Слава богу, кажется, никто не слышал? Хотя почему Лесной Клоп так сердито на нее смотрит? И почему все Тли дружно захихикали тоненькими голосами?

Ну что ж, она заслужила насмешку! Подумать только, что она — она! — могла сказать такую вещь!.. Нет, надо выкинуть все эти глупости из головы.

И в этот самый день прилетел откуда-то первый желтый лист.

А потом желтых листьев стало много-много, и они начали падать; все чаще накрапывал дождь, ветер

становился все сильнее и холоднее, и даже солнце ничего не могло с этим поделать...

И наконец наступил роковой день: день, когда Гусеница почувствовала, что она больше не хочет — не может! — есть.

Да, да! Вялая, сонная сидела она на листе — на большом, сочном, аппетитном листе! — и, вместо того чтобы грызть его, вяло и сонно, словно от нечего делать, обматывала сама себя шелковинкой.

— Смотри-ка! — взволнованно сказал Лесной Клоп. — Наша соседка-то, видно, помирает! Перестала есть! Ну что ж, я всегда говорил ей, что фантазии до добра не доведут! Но кто в наши дни слушает разумные советы!

На этот раз Тли даже не поддакнули ему: они только еще глубже уткнули носы в мякоть смородинного листа. Да и неудивительно: Клоп действительно очень разволновался!

А Гусенице было уже все равно. «Может быть, я и правда умираю, — сонно подумала она. — Значит, у меня так и не будет крыльев... Ну что ж... хотя жаль... жаль...»

Кто знает, о чем она жалела...

Но она не умерла. Вяло и сонно, но упорно она продолжала до поздней ночи обматываться шелковинкой.

А когда настало утро, Гусеницы на листе крапивы уже не было. Зато под листом, крепко-накрепко

привязанный к толстому стеблю, висел плотный шелковистый кокон.

Так прочно был он устроен, так надежно прикреплен, что ему были не страшны ни дожди поздней осени, ни снег, падавший вокруг, ни метели, завывавшие в голых ветках, ни морозы, от которых порой замертво падали голодные пташки и трещали, лопаясь, стволы деревьев.

Прошла зима; с сосуллек закапали первые слезинки — сосулькам было жалко, что зима проходит; набухли почки на деревьях; на проталине выглянул первый подснежник — кокон все висел и висел, неподвижный, застывший, словно неживой. Может быть, и правда там не было никого живого?

Но едва раскрылись одуванчики на лугу, с кокона слетела верхушка и какое-то странное существо неуклюже выползло наружу и уселось на сухом листе.

Боже, какое жалкое это было создание! Мокрое, беспомощное, все измятое, и вдобавок на спине у него висели две сморщенные, тоже мокрые, тряпочки!

Но солнце, доброе весеннее солнце, для которого все равны, поглядело на него так же ласково, как на самый прекрасный цветок; и под его теплым взглядом морщинистые лоскутки расправились, развернулись — и ослепительными красками засияла пара чудесных крыльев!

Да, никто бы не узнал в этой прелестной Бабочке нашу старую знакомую — Гусеницу!

Да и кому было ее узнавать? Ведь ни Кузнечика, ни Лесного Клопа, ни Тлей давно не было на свете...

И все-таки кто-то ее узнал.

— Ну, что... соседка? — прозвучал скрипучий медленный голос. — Вот... видишь... у тебя... теперь... есть крылья...

— Ах, здравствуйте, милая Улитка! — отвечала Бабочка. — Да, да, у меня теперь и правда есть крылья! Крылья!

— И ты... можешь... полететь... и сгрызть весь... лес... как ты... собиралась...

— Сгрызть? — удивленно приподняла крылышки Бабочка — Что это значит — сгрызть?

Улитка тихонько хихикнула.

— Ах, да! — вспомнила Бабочка. — Помню, помню! Но почему-то мне совсем не хочется грызть! Да и нечем, по правде говоря! — смущенно засмеялась она.

Она говорила правду: вместо зубастого рта у нее теперь был нежный, тоненький хоботок, пригодный разве для того, чтобы пить цветочный нектар.

— Без... еды... долго... не протянешь... — начала было Улитка, но Бабочка не дослушала ее.

— У меня есть крылья! Крылья! — ликующе повторяла она. — Я могу лететь, куда хочу, и любоваться всем на свете! Ведь крылья... ведь для того и даются крылья, правда?

И Улитка — впервые на своем долгом веку — не знала, что сказать.

Она еще обдумывала свой ответ, когда рядом с Бабочкой опустился на листик молоденький Мотылек.

Он был горд и взволнован: ведь это был первый его полет, и даже когда он сел на листик, крылышки его так и ходили!

— Полетим? — крикнул он, заметив Бабочку.

— Полетим! — радостно откликнулась она.

Оба вспорхнули и полетели туда, где на лугу пестрели цветы, где ослепительно блестела речка, где вдали синела зубчатая полоса леса, — оба юные, сами прелестные, как два цветка...

ПРИРОДОВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Природоведческая литература – термин немного суховатый, но мы-то знаем, что за ним скрывается целый мир, яркий и удивительный! Книги о природе и животных всегда любимы детьми. Дело в том, что с в каком-то смысле животные близки детям: они милы, непосредственны, в конечном итоге они и есть отражение самой природы. И это главная причина того, что такие книги находят самый горячий отклик в сердцах маленьких читателей.

Представьте себе ребенка с мягкой игрушкой. Что он держит в руках? Почти наверняка это окажется симпатичная зверушка или детеныш животного: тигренок, котенок, зайчик, медвежонок. Со временем, когда ребенок подрастает, он начинает мечтать о щенке, котенке, попугайчике, хомячке или хотя бы рыбках. И, конечно, практически все дети любят ходить в зоопарк или наблюдать за зверушками – например, за белками или утками! Вывод напрашивается сам: животным в жизни ребенка принадлежит совершенно особое место, заменить их ничем нельзя. Но что не менее важно, такое же место в библиотеке каждого малыша должна занимать и природоведческая литература, то есть книги о природе и о животных. Важно и то, что такие издания можно встретить среди книг, предназначенных как для малышей, так и для школьников. А ведь здесь есть

существенный нюанс: чем старше ребенок, тем многограннее и интереснее должны становиться книги о природе, которые он может не просто прочитать, но и в полной мере изучить – рассмотреть иллюстрации, возможно, дополнить их собственными наблюдениями. И это очень важный элемент развития и осознания.

Задание: Прочитайте произведения. Расскажите, о каких явлениях природного мира повествуют авторы? Что нового об особенностях природного мира из этих произведений узнали вы?

Михаил Пришвин

КРЫЛАТЫЙ БУДИЛЬНИК

У Серёжи радость. Он с мамой и папой переехал в новый дом. Теперь у них квартира из двух комнат. Одна комната с балконом, в ней поселились родители, а в другой — Серёжа.

Серёжа огорчился, что в комнате, где он будет жить, балкона нет.

— Ничего, — сказал папа. — Зато мы сделаем кормушку для птиц, и ты будешь зимой их кормить.

— Вот и станут летать одни воробьи, — недовольно возразил Серёжа. — Ребята говорят, они вредные, и из рогаток их стреляют.

— А ты не повторяй глупостей! — рассердился отец. — В городе воробьи полезные. Они своих птенцов гусеницами кормят, а выводят птенцов за лето два-три

раза. Вот и считай, сколько от них пользы. Тот же, кто птиц из рогаток стреляет, никогда не будет настоящим охотником.

Серёжа промолчал. Ему не хотелось говорить, что он тоже стрелял из рогатки птиц. А быть охотником ему очень хотелось, и обязательно таким, как папа. Так же метко стрелять и так же всё узнавать по следам.

Своё обещание папа выполнил, и в первый выходной день они принялись за работу. Серёжа подавал гвозди, дощечки, а папа их строгал и сколачивал.

Когда работа была закончена, папа взял кормушку и прибил её под самой форточкой. Он сделал это специально, чтобы зимой через форточку насыпать птицам еду. Мама похвалила их работу, а про Серёжу и говорить нечего: теперь ему самому понравилась затея отца.

— Папа, а скоро мы начнём кормить птиц? — спросил он, когда всё было готово. — Ведь зима ещё не наступила.

— Зачем же зиму ждать? — ответил папа. — Теперь же и начнём. Ты думаешь, как насыпал корм, так все воробьи его клевать слетятся! Нет, братец, сначала их приучить нужно. Воробей хоть и живёт около человека, а птица осторожная.

И верно, как папа сказал, так и получилось. Каждое утро Серёжа сыпал в кормушки разные

крошки, зёрна, а воробьи даже близко к ней не подлетали. Они садились поодаль, на большой тополь, и сидели на нём.

Серёжа был очень огорчён. Он и правда думал, что, как насыплет корм, воробьи мигом слетятся к окну.

— Ничего, — утешал его папа. — Вот увидят, что их никто не обижает, и перестанут бояться. Ты только около окна не торчи.

Все советы отца Серёжа выполнял в точности. А вскоре стал замечать, что с каждым днём птицы становились всё смелей и смелей. Теперь они уже садились на ближние ветки тополя, потом вовсе расхрабрились и начали слетаться на столик.

А как осторожно они это делали! Пролетят мимо раз, другой, увидят, что опасности нет, кусочек хлеба схватят и скорей с ним в укромное местечко отлетят. Склюют там потихоньку, чтобы никто не отнял, и опять к кормушке летят.

Пока была осень, Серёжа кормил воробьёв хлебом, но, когда наступила зима, он стал давать им ещё зерно. Потому что хлеб быстро замерзал, воробьи не успевали его склевать и оставались голодные.

Серёжа очень жалел воробьёв, особенно когда начинались сильные морозы. Бедняги сидели взъерошенные, неподвижные, подобрыв под себя замёрзшие лапки, и терпеливо ожидали угощения.

Зато как радовались они Серёже! Стоило ему подойти к окну, как они, громко чирикавая, слетались

со всех сторон и спешили скорей позавтракать. В морозные дни Серёжа по нескольку раз кормил своих пернатых друзей. Ведь сытой птице и холод переносить легче.

Первое время к Серёжиной кормушке прилетали одни воробьи, но вот однажды он заметил среди них синичку. Видно, зимняя стужа тоже загнала её сюда. А как увидела синичка, что здесь можно пожить, стала прилетать каждый день.

Серёжа радовался, что новая гостья так охотно посещает его столовую. Он где-то читал, будто синицы любят сало. Достал кусочек, а чтобы не утащили его воробьи, подвесил на ниточке, как научил папа.

Синичка мигом догадалась, что это угощение припасли для неё. Тут же уцепилась за сало лапками, клюёт, а сама словно на качелях качается. Долго клевала. Сразу видно, что это лакомство пришлось ей по вкусу.

Кормил Серёжа своих птиц всегда утром и всегда в одно и то же время. Как прозвонит будильник, он вставал и насыпал в кормушку еду.

Воробьи это время уже ждали, но особенно ждала синичка. Она появлялась неизвестно откуда и смело опускалась на столик. К тому же птичка оказалась очень смекалистой. Это она разобралась первая, что, если утром стукнула Серёжина форточка, надо спешить к завтраку. Притом она никогда не

ошибалась и, если стучала форточка у соседей, не прилетала.

Но не только этим отличалась догадливая птица. Однажды случилось так, что будильник испортился. Что он испортился, никто не знал. Даже мама не знала. Она могла проспать и опоздать на работу, если бы не синица.

Прилетела птичка завтракать, видит — никто форточку не открывает, никто еду не сыплет. Попрыгала она с воробьями по пустому столику, попрыгала и стала клювом по стеклу стучать: «Давайте, мол, кушать скорей!» Да так усердно стучала, что Серёжа проснулся. Проснулся и понять не может, почему синичка в окно стучит. Потом подумал — наверное, она голодная и есть просит.

Встал. Насыпал птицам еду, смотрит, а на стенных часах стрелки уже почти девять показывают. Тут Серёжа маму, папу разбудил и скорее в школу побежал.

С этих пор синичка каждое утро к нему в окно стучать повадилась. И стучала-то как — ровно в восемь. Будто по часам это время угадывала!

Бывало, только постучит она клювиком, Серёжа скорее с постели вскакивал — одеваться спешил. Ещё бы, ведь до тех пор стучаться будет, пока ей корму не дашь. Мама — и та смеялась:

— Ишь, будильник прилетел!

А папа говорил:

— Молодец, сынок! Такого будильника ни в одном магазине не сыщешь. Выходит, ты недаром трудился.

Всю зиму синичка будила Серёжу, а когда наступила весна, она улетела в лес. Ведь там, в лесу, синицы строят гнёзда и выводят птенцов. Наверное, и Серёжина синичка тоже полетела выводить птенцов. А к осени, когда они будут взрослые, снова вернётся к Серёжиной кормушке, да, быть может, не одна, а со всем семейством, и опять станет будить его по утрам в школу.

Виталий Бианки

ЧЬИ ЭТО НОГИ?

Летал Жаворонок высоко над землёй, под самыми облаками. Поглядит вниз — сверху ему далеко видно — и поёт:

— Я ношусь под облаками,
Над полями и лугами,
Вижу всех, кто подо мной,
Всех под солнцем и луной.

Устал петь, спустился и сел на кочку отдыхать. Вылезла из-под дерева Медянка и говорит ему:

— Сверху ты всё видишь, — это правда. А вот снизу никого не узнаешь.

— Как это может быть? — удивился Жаворонок. — Непременно узнаю.

— А вот иди ложись со мной рядом. Я тебе буду снизу всех показывать, а ты отгадывай, кто идёт.

— Ишь какая! — говорит Жаворонок. — Як тебе подойду, а ты меня ужалишь. Я змей боюсь.

— Вот и видно, что ты ничего земного не знаешь, — сказала Медянка. — Первое — я не змея, а просто ящерица; а второе — змеи не жалят, а кусают. Змей-то и я боюсь, зубы у них такие длинные, и в зубах — яд. А у меня гляди-ка: малюсенькие зубки. Я ими не то что от змеи, от тебя и то не отобьюсь.

— А где же у тебя ноги, если ты ящерица?

— Да зачем мне ноги, если я по земле ползаю не хуже змеи?

— Ну, если вправду ты — безногая ящерица, — сказал Жаворонок, — так мне бояться нечего.

Соскочил с кочки, лапки под себя поджал и лёг рядом с Медянкой. Вот лежат они рядышком. Медянка и спрашивает:

— Ну-ка, ты, верхогляд, узнавай, кто идёт и зачем он сюда пожаловал?

Взглянул Жаворонок перед собой и обмер: идут по земле высоченные ноги, через большие кочки, как через малые комочки земли, шагают, пальцами в землю след вдавливают.

Перешагнули ноги через Жаворонка и пропали: не видать больше.

Медянка на Жаворонка посмотрела и улыбнулась во весь рот. Облизнула сухие губы тонким язычком и говорит:

— Ну, друг, видно, не разгадал ты моей заедки. Кабы ты знал, кто через нас шагнул, так не испугался бы. Я вот лежу и смекаю: две ноги высоких, пальцев на каждой счётом три больших, один маленький. И знаю уж: птица идёт большая, высокая, по земле гулять любит — хороши ходули для ходьбы. Так оно и есть: Журавль это прошёл.

Тут Жаворонок встрепенулся весь от радости: Журавль ему знакомый был. Спокойная птица, добрая — не обидит.

— Лежи, не пляши! — зашипела на него Медянка. — Гляди: опять ноги идут.

И верно: ковыляют по земле голые ноги, неизвестно чьи. Пальцы словно лоскутами клеёнки обшиты.

— Отгадывай! — говорит Медянка.

Жаворонок думал-думал, — никак не может припомнить, чтобы прежде такие ноги видел.

— Эх ты! — засмеялась Медянка. — Да ведь это совсем просто отгадать. Видишь: пальцы широкие, ноги плоские, по земле идут — спотыкаются. Вот в воде с ними удобно, повернёшь ногу боком — она воду как ножом режет; растопыришь пальцы — и весло готово. Это Чомга-нырец — водяная такая птица — из озера вылезла.

Вдруг упал с дерева чёрный комок шерсти, приподнялся с земли и пополз на локтях.

Присмотрелся Жаворонок, а это вовсе не локти, а сложенные крылья.

Повернулся комок боком — сзади у него цепкие звериные лапки и хвост, а между хвостом и лапками кожа натянута.

— Вот чудеса! — сказал Жаворонок. — Кажется, крылатая тварь, как и я, а на земле узнать её никак не могу.

— Ага! — обрадовалась Медянка. — Не можешь узнать. Хвастался, что под луной всех знаешь, а Летучей-то Мыши и не узнал.

Тут Летучая Мышь вскарабкалась на кочку, расправила крылья и улетела к себе на дерево. А уж из-под земли другие ноги лезут. Страшные лапы: короткие, мохнатые, на пальцах тупые когти, жёсткие ладошки в разные стороны вывернуты. Затрепетал Жаворонок, а Медянка говорит:

— Лежу, гляжу и смекаю: лапы в шерсти — значит, звериные. Короткие, как обрубки, и ладошками врозь, а на толстых пальцах когтищи здоровые. На таких ногах по земле шагать трудно. А вот под землёй жить, землю лапами рыть да назад её за собой отбрасывать — очень даже удобно. Вот вышло у меня: подземный зверь. Крот называется. Гляди, гляди, а то он сейчас опять под землю уйдёт.

Зарылся Крот в землю — и опять нет никого. Не успел Жаворонок в себя прийти, глядь: бегут по земле руки.

— Это что за акробат? — удивился Жаворонок. — Зачем ему четыре руки?

— А по веткам в лесу прыгать, — сказала Медянка.
— Ведь это же Белка-Векша.

— Ну, — говорит Жаворонок, — твоя взяла: никого я на земле не узнал. Дай-ка теперь я тебе загадку загадаю.

— Загадывай, — говорит Медянка.

— Видишь в небе тёмную точку?

— Вижу, — говорит Медянка.

— Отгадай, какие у неё ноги?

— Да ты шутишь! — говорит Медянка. — Где ж мне так высоко ноги разглядеть?

— Какие тут шутки! — рассердился Жаворонок. — Уноси свой хвост подобру-поздорову, пока не сгребли тебя эти когтистые лапы.

Кивнул Медянке на прощанье, вскочил на лапки и улетел.

Георгий Скребницкий

СЛЕДОПЫТЫ

В воскресенье утром Миша с Володей отправились в лес на охоту.

Правда, ружей у ребят не было, но приятели утешали себя тем, что охотнику-следопыту совсем не важно застрелить дичь. Главное — уметь выследить зверя или птицу, — вот в чём заключается прелесть охоты для настоящего следопыта.

Скользя на лыжах по хрустящей ледяной корке, ребята выбрались за околицу и побежали по гладкому, укрытому снегом полю. Впереди в синей морозной дымке виднелся лес.

Мальчики свернули на первую попавшуюся тропу и пошли по ней.

— Сколько осинок обглодано! — сказал Володя. — Это всё зайцы ночью объели. А теперь зарылись где-нибудь в снег и спят.

— Пойдём по следу, — предложил Миша, — может, выследим.

— Давай попробуем.

И ребята, найдя свежий заячий след, отправились по нему.

— А погляди, как у зайца забавно получается, — сказал Володя, — спереди два больших отпечатка от задних лап, а от передних, наоборот, сзади. Ты знаешь, почему так?

— Конечно, знаю, — ответил Миша. — Когда заяц прыгает, он заносит вперёд задние лапы, а передние остаются между ними и немного сзади.

Следы вывели в мелкий смешанный лес. Потом косой пробежал по опушке, спустился в лесной овраг, перебрался на противоположную сторону. Там зверёк начал делать между кустами, между деревьями замысловатые петли.

— Следы путает, — тихо сказал Володя. — Скоро, наверное, на лёжку отправится.

Прошло не менее получаса, пока ребятам с большим трудом удалось наконец разобраться в сложном лабиринте заячьих петель. Дальше след опять пошёл ровно, пересёк лесную вырубку и вновь запетлял в мелколесье.

Давай-ка не будем разбираться во всей этой путанице, — предложил Миша, — лучше сделаем по лесу широкий круг — может, сразу наткнёмся на выходной след.

Попробовали и наткнулись.

— Молодец, ловко придумал! — похвалил Володя.

Но Миша, улыбнувшись, сознался: это не его выдумка. Он слышал, что так поступают охотники.

Приятели вновь пошли очень осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть спящего где-то неподалёку зверька.

И вдруг след совсем оборвался. Что же это значит? Куда он девался?

— А посмотри, Володя, след, по которому мы сейчас шли, какой чудной: и не разберёшь, где передние, где задние лапы, — удивился Миша. — Не пойму, куда он ведёт? Одни следочки будто вперёд, а другие — в обратную сторону.

Оба мальчика стали внимательно разглядывать на снегу отпечатки заячьих лап.

— Эх мы, разини! — неожиданно хлопнул себя по лбу Володя. — Это же заячья уловка! А мы и забыли.

— Какая уловка?

Да сам же ты говоришь: одни следы вперёд, а другие назад ведут. Значит, заяц сперва вперёд бежал, а потом повернулся и своим же собственным следом обратно...

— Где же его теперь искать? — растерялся Миша.

— Придётся назад идти и глядеть, куда он со своего следа в сторону прыгнул. Охотники говорят: смётку сделал.

Ребята пошли по следу в обратную сторону. Отошли метров двести и тут заметили, что двойной след кончился. Огляделись по сторонам. Вон под кустом снег в одном месте слегка примят. Подошли ближе. На снегу — отпечатки заячьих лап.

— Ишь куда прыгнул! — удивился Миша.

Метра через два ещё отпечатки — второй прыжок, за ним — третий. А дальше след пошёл непрерывно.

Идя по следу, ребята добрались до новых петель и новой смётки. И снова распутали след.

— Ну и напутал! — покачал головой Володя. — Должно быть, старый, опытный. Нужно потише идти — наверное, он где-нибудь недалеко лёжку устроил: выкопал ямку в снегу, дремлет в ней, а сам прислушивается, не крадётся ли кто к нему...

Володя не договорил и, запнувшись на полуслове, начал внимательно вглядываться в чащу кустов.

Кто там? — шепнул Миша, тоже присматриваясь.

Впереди на снегу, куда уходил заячий след, копошилось что-то живое, но что именно, ребята сквозь ветки не могли разглядеть. Крадучись, мальчики стали подходить ближе, выглянули из-за кустов.

Заметив их, непонятное существо сразу встрепелось и заметалось на одном месте.

Ребята со всех ног бросились к добыче. Это был заяц-беляк. Он кидался в разные стороны, но почему-то не убегал из кустов.

— Запутался! — крикнул Володя, подбегая к зверьку и хватая его.

Заяц отчаянно забился и жалобно закричал. Но Володя уже держал его в руках.

— Вот и выследили! Ура! — торжествующе крикнул он.

— Да он за какую-то проволоку зацепился! — удивлённо сказал Миша.

Он взял в руки тонкую проволочку, запутавшую зверька. Другой конец её был крепко привязан к молодой берёзке.

— Это петля, — догадался Миша. — Смотри, прямо на заячьей тропе поставлена. Он в неё и попал.

Миша осторожно высвободил зверька из проволочной петли.

— Вот удача-то! — радовался Володя. — Бежим домой, скажем — сами поймали.

— То есть как — поймали? — не понял Миша.

— Да хоть в кустах. Он, мол, среди веток застрял, а мы сразу — цап-царап, и готово!

— А поверят?

— Конечно, поверят. Откуда же мы его могли взять?

— Ну ладно, — нерешительно согласился Миша и, помолчав, добавил: — Только как-то это нехорошо выходит, не по-охотничьему, — кто-то старался, ловил, а мы у него стащили.

— А ты знаешь, друг, — с жаром воскликнул Володя, — за такую ловлю по головке не гладят! Помнишь, что говорил Иван Михайлович: «Ловить силками зайцев и всякую дичь у нас строго воспрещено».

— Постой, — перебил его Миша, — что же тогда получается? Значит, выходит, и мы в этом деле участие принимали, да ещё сами у вора добычу воруем. Разве так охотники поступают?

Володя сразу притих.

— Неужели же выпустить? — нерешительно сказал он. — Уж очень жалко.

— Мне и самому жалко, — сознался Миша. — А знаешь что? Давай его отнесём к нам в школу, покажем ребятам, а потом и выпустим.

— Тогда и носить не стоит, — с досадой возразил Володя. — Что ж показывать? У нас в живом уголке такой же есть, все видели. Только мучить зря.

— Это верно, — согласился Миша. — Да ещё подумают: сами петлёй и поймали, чтобы похвастаться.

Володя даже вспыхнул от этих слов.

— Кто ж это посмеет думать? — запальчиво воскликнул он. — Нечего зря таскать, выпускаю.

Он быстро наклонился и разжал руки.

— Постой, постой! — закричал Миша, пытаюсь перехватить зверька, да уж поздно: заяц метнулся в сторону и в два прыжка исчез в кустах.

— Что ж ты наделал! — охнул Миша. — Выпустил! Теперь нам никто и не поверит, что мы его из силка вынули.

— Нет, поверят, — уверенно ответил Володя. — А вот про то, что мы его в кустах руками поймали, пожалуй, и не поверили бы.

Наутро в школе Володя и Миша рассказали обо всём своему учителю и показали снятую с берёзки петлю.

— Молодцы, — похвалил Иван Михайлович ребят, — так и должны поступать настоящие следопыты.

ПРО ЗАЙЧАТ

Однажды на даче ко мне прибежал Никита и кричит:

— Папа, отдай кроликов! Папа, отдай кроликов!

А я не понимаю, каких кроликов ему отдать. И отдавать я никого не собираюсь, и кроликов у меня нет.

— Да что ты, Никитушка, — говорю, — что с тобой?

А Никита прямо плачет: отдай да отдай ему кроликов.

Тут пришла мама и всё мне рассказала. Оказывается, деревенские ребята принесли с лугов двух зайчат: они их на сенокосе поймали. А Никита всё перепутал. Надо было сказать: «Возьми зайчат», а он говорит: «Отдай кроликов».

Взяли мы зайчат, стали они у нас жить.

Ну и славные были зайчата! Эдакие мохнатые шарики! Уши врозь, глаза коричневые, большие. А лапки мягкие-мягкие — будто зайчата в валеночках ходят.

Захотели мы зайчат покормить. Дали им травы — не едят. Налили молока в блюдце — и молоко не пьют... Сыты, что ли?

А спустили их на пол — они шагу никому не дают ступить. Прямо наскакивают на ноги. Тычутся

мордочками в сапоги и лижут их... Должно быть, ищут мать-зайчиху.

Видно, голодные, а есть не умеют. Сосунки ещё.

Тут в комнату пришёл Томка, наш пёс. Тоже захотел посмотреть на зайчат. Они, бедняжки, на Томку наскочили, лезут на него... Томка зарычал, огрызнулся и убежал.

Как же нам накормить зайчат? Ведь они, бедняги, умрут с голоду.

Думали мы, думали, и придумали, наконец. Пошли мы искать им кормилицу-кошку.

Кошка лежала на лавке у соседнего дома, кормила своих котят. Она такая пёстрая, расписная, даже нос у неё разноцветный.

Притащили мы кошку к зайчатам, она как зафыркает на них, как заворчит басом, чуть не воет. Да ну её!

Пошли мы другую кормилицу искать.

Видим, на завалинке лежит кошка, вся чёрная, с белой лапой. Мурлычет кошка, нежится на солнышке... А как взяли да подложили к ней зайчат, она сразу же все когти выпустила и оцетинилась. Тоже не годится в кормилицы! Отнесли мы её обратно.

Стали третью кошку искать.

Уж в самом конце деревни нашли. На вид такая хорошая, ласковая. Только эта ласковая-то чуть-чуть

наших зайчат не съела. Как увидела их, вырвалась из рук да как бросится на зайчат, как на мышей.

Насилу мы её оттащили и за дверь выбросили.

Наверное, наши зайчата так и умерли бы с голоду, если бы, на наше счастье, не нашлась ещё одна кошка — четвёртая. Она сама к нам пришла. А пришла потому, что котят искала. У неё котята умерли, и она по всей деревне ходила и искала их... Рыженькая такая, худая; мы накормили её, напоили и уложили на подоконник и принесли к ней зайчат. Сперва одного зайчонка, потом и другого.

Сунулись к ней зайчата и сразу присосались, даже зачмокали — нашли молоко!

А кошка сначала задёргалась, забеспокоилась, а потом вылизывать их стала — и даже песенку замурлыкала.

Значит, всё в порядке.

Много дней кормила кошка зайчат.

Лежит с ними на подоконнике, а народ останавливается у окошка, смотрит:

— Вот так чудо, кошка зайцев кормит!

Потом зайчата подросли, научились сами есть траву и убежали в лес. Им там вольнее жить.

А кошка завела себе настоящих котят.

ПРОКАЗЫ СТАРУХИ ЗИМЫ

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и пискком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться: стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать,— накинулась на зверей. Запорошила снегом поле, завалила сугробами леса; одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызёт; медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка прыгаючи греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам,

по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, — думает зима,— дойму я людей»,— и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах, стучат и в стены, и в двери, так, что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись; от лошадей пар валит; извозчики ногами потапывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на санках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снега, давай тереть,— и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять: заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалеко!

Задание: Прочитайте стихотворения о природе. Расскажите, какие художественные приёмы используют авторы, чтобы описать природные явления. Выучите понравившееся стихотворение наизусть

Ф. Тютчев. Декабрьское утро

На небе месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся
день,-

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех
мгновений,
Ночь испарится над
землей,
И в полном блеске
проявлений
Вдруг нас охватит мир
дневной...

К. Бальмонт. Ручеёк

Ручеек, ручеек,
Ты, как ниточка, идешь.
Под тобой блестит песок.
Весел ты, хоть неглубок.
Ручеек, ручеек,
Ты уходишь и поешь.
Вьются пчелки меж
стеблей,
Прогудит мохнатый
шмель.
Ты бежишь скорей, скорей.
Вдруг неволя среди
камней —
Вспенясь звонче, веселей,
Зажурчишь ты: «Мель,
мель, мель!»
Неширок ты, ручеек,
Неглубок ты, ну так что ж!
Ручеек, ручеек,
Ты бежишь и ты поешь!

К. Кубилинскас. Весна

Весна пришла по
снежному,
По влажному ковру,
Рассыпала подснежники,
Посеяла траву.
Барсучьи семьи к сроку
Из норок подняла,
Березового соку
Ребятам раздала.
В берлогу заглянула:
- А ну, вставай, медведь! –
На веточки дохнула –
Пора зазеленеть!
Теперь весна-красавица
Зовёт со всех концов
Гусей, стрижей и аистов,
Кукушек и скворцов.

А. Плещеев. Осень

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

Вянет и желтеет
Травка на лугах
Только зеленеет
Озимь на полях.

Туча небо кроет,
Солнце не блестит,
Ветер в поле воет,
Дождик моросит...

Зашумели воды
Быстрого ручья,
Птички улетели
В тёплые края.

МИР ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Специфику литературы для детей и юношества определяют задачи приобщения юного читателя к высокому искусству в тех формах, которые отвечают особенностям его мировосприятия и духовного становления. Время показало, что по-настоящему любимыми детьми становятся те книги, в которых юные читатели узнают себя, видят неподдельный интерес автора к своим проблемам, переживаниям, увлечениям. Мир взрослых во многом отличается от мира детей. В первую очередь ценностными ориентирами, видением окружающей действительности. Дети только начинают познавать жизнь, и стремятся делать это самостоятельно. Они в чем-то наивны, но чисты душой, прежде всего ценят в людях отзывчивость, доброту, умение дружить, способность прийти на помощь в трудную минуту. Поэтому именно книги о дружбе, о ежедневных маленьких, но чудесных открытиях, о справедливости и взаимовыручке, о взаимоотношениях со сверстниками и родителями вызывают наибольший интерес детской читательской аудитории.

Задание: Прочитайте и перескажите предложенные рассказы. Составьте характеристику героев произведений. Подумайте, какие качества ребенка воспитывают описанные авторами ситуации.

ВОТ ЧТО ИНТЕРЕСНО!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О кружочек, и Т – молоточек. И всё. Других букв не знал. И читать не умел. Бабушка пыталась его учить, но он сейчас же придумывал уловку:

– Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух. А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, – рассуждал он, если бабушка мне вслух читает». Он и не старался. И в классе он увиливал как мог. Учительница ему говорит:

– Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала. Учительница его останавливала. Под смех класса он говорил:

– Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло. Или: – У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала. Врач спросил:

– Как здоровье?

– Плохо, – сказал Гога.

– Что болит?

– Всё.

– Ну, иди тогда в класс.

– Почему?

– Потому что у тебя ничего не болит.

– А вы откуда знаете?

– А ты откуда знаешь? – засмеялся врач. И он слегка подтолкнул Гогу к выходу.

Больным Гога больше никогда не притворялся, но увиливать продолжал. И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

– Давай будем серьёзно учиться, – сказала ему Маша.

– Когда? – спросил Гога.

– Да хоть сейчас.

– Сейчас я приду, – сказал Гога. И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

– Ты куда? – спросил Гриша.

– Иди сюда, – позвал Гога.

– Зачем?

– А здесь нам никто мешать не будет.

– Да ну тебя!

Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл. Больше к нему никого не прикрепляли. Время шло. Он увиливал. Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

– Теперь я каждый вечер, – сказала она, – буду читать вслух эту замечательную книжку своему сыночку. Бабушка сказала:

– Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки. Но отец сказал:

– Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разленился до такой степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание. И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковёр. Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять

заволновался. А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

– А дальше читай сам, – сказала ему мама. Он сразу предложил:

– Давай я тебе, мамочка, вымою посуду. И он побежал мыть посуду. Но и после этого мама отказывалась читать. Он побежал к отцу. Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами. Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своём кресле! «Действительно ли, – думал Гога, – она спит, или ей на совещании поручили притворяться?» Гога дёргал её, тормошил, но бабушка и не думала просыпаться. А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки. Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит. Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту. Гога пристал к старшекласснику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся. Как дальше быть? Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться. Читать самому. Вот что значит домашнее совещание! Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду. Вот что интересно!

Михаил Зощенко

БАБУШКИН ПОДАРОК

У меня была бабушка. И она меня очень горячо любила. Она каждый месяц приезжала к нам в гости и дарила нам игрушки. И вдобавок приносила с собой целую корзинку пирожных. Из всех пирожных она позволяла мне выбрать то, которое мне нравится.

А мою старшую сестрёнку Лелю бабушка не очень любила. И не позволяла ей выбирать пирожные. Она сама давала ей какое придётся. И от этого моя сестрёнка Леля всякий раз хныкала и сердилась больше на меня, чем на бабушку.

В один прекрасный летний день бабушка приехала к нам на дачу.

Она приехала на дачу и идёт по саду. В одной руке у неё корзинка с пирожными, в другой — сумочка.

И мы с Лелей подбежали к бабушке и с ней поздоровались. И с грустью увидели, что на этот раз, кроме пирожных, бабушка нам ничего не принесла.

И тогда моя сестрёнка Леля сказала бабушке:

— Бабушка, а кроме пирожных ты разве нам сегодня ничего не принесла?

И моя бабушка рассердилась на Лелю и так ей ответила:

— Принесла. Но только не дам невоспитанной особе, которая так откровенно об этом спрашивает. Подарок получит благовоспитанный мальчик Миня, который лучше всех на свете благодаря своему тактичному молчанию.

И с этими словами бабушка велела мне протянуть руку. И на мою ладонь она положила десять новеньких монеток по десять копеек.

И вот я стою как дурачок и с восторгом смотрю на новенькие монеты, которые лежат у меня на ладони. И Леля тоже смотрит на эти монеты. И ничего не говорит. Только у неё глазёнки сверкают недобрым огоньком.

Бабушка полюбовалась на меня и пошла пить чай.

И тогда Леля с силой ударила меня по руке снизу вверх, так что все мои монеты подпрыгнули на ладони и попадали в траву и в канаву.

И я так громко зарыдал, что сбежались все взрослые — папа, мама и бабушка. И все они моментально нагнулись и стали разыскивать упавшие мои монетки.

И когда были собраны все монетки, кроме одной, бабушка сказала:

— Видите, как правильно я поступила, что не дала Лельке ни одной монеты! Вот она какая завистливая

особа. «Если,— думает,— не мне,— так и не ему!» Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?

Чтобы избежать трёпки, Леля, оказывается, влезла на дерево и, сидя на дереве, дразнила меня и бабушку языком.

Соседский мальчик Павлик хотел стрельнуть в Лелю из рогатки, чтоб снять её с дерева. Но бабушка не позволила ему это сделать, потому что Леля могла упасть и сломать себе ногу. Бабушка не пошла на эту крайность и даже хотела отобрать у мальчика его рогатку.

И тогда мальчик рассердился на всех нас и на бабушку в том числе и издали стрельнул в неё из рогатки.

Бабушка, ахнув, сказала:

— Как это вам нравится? Из-за этой злодейки меня из рогатки подбили. Нет, я не буду к вам больше приезжать, чтоб не иметь подобных историй. Лучше вы привозите ко мне моего славного мальчика Миню. И я всякий раз, в пику Лельке, буду дарить ему подарки.

Папа сказал:

— Хорошо. Я так и сделаю. Но только вы, мамаша, напрасно хвалите Миньку! Конечно, Леля поступила нехорошо. Но и Минька тоже не из лучших мальчиков на свете. Лучший мальчик на свете тот, который отдал бы своей сестрёнке несколько монеток, видя, что у неё ничего нет. И этим он не довёл бы свою сестрёнку до злобы и зависти.

Сидя на своём дереве, Лелька сказала:

— А лучшая бабушка на свете та, которая всем детям что-нибудь дарит, а не только Миньке, который по своей глупости или хитрости молчит и поэтому получает подарки и пирожные.

Бабушка не пожелала больше оставаться в саду. И все взрослые ушли пить чай на балкон.

Тогда я сказал Леле:

— Леля, слезь с дерева! Я подарю тебе две монетки.

Леля слезла с дерева, и я подарил ей две монетки. И в хорошем настроении пошёл на балкон и сказал взрослым:

— Всё-таки бабушка оказалась права. Я лучший мальчик на свете — я сейчас подарил Леле две монетки.

Бабушка ахнула от восторга. И мама тоже ахнула. Но папа, нахмурившись, сказал:

— Нет, лучший мальчик на свете тот, который сделает что-нибудь хорошее и после этим не будет хвастаться.

И тогда я побежал в сад, нашёл свою сестру и дал ей ещё монетку. И ничего об этом не сказал взрослым.

Итого, у Лельки стало три монеты, и четвертую монетку она нашла в траве, где она меня ударила по руке. И на все эти четыре монеты Лелька купила мороженое. И она два часа его ела, наелась, и ещё у неё осталось.

А к вечеру у неё заболел живот, и Лелька целую неделю пролежала в кровати.

И вот, ребята, прошло с тех пор много лет. И до сих пор я отлично помню папины слова.

Нет, мне, может быть, не удалось стать очень хорошим. Это очень трудно. Но к этому, дети, я всегда стремился.

И то хорошо.

Евгения Хочинская

ДРУЖБА

Петька – мой самый лучший друг. Мы с ним дружим ещё с детского сада, живем в одном доме, вместе ходим в школу и на тренировки, вместе играем в футбол. У нас нет никаких секретов друг от друга. Мне для него ничего не жалко: жвачку – пожалуйста, конфеты – пожалуйста, мороженое – пожалуйста, я всегда с ним делюсь. Он тоже не жадина, в общем, все у нас было хорошо до поры до времени.

Однажды я посмотрел в окно и увидел, как мой Петька о чем-то живо беседует с Витькой из соседнего двора. Сначала они размахивали руками и что-то доказывали друг другу, а потом зашли к Витьке в подъезд. Мне было очень интересно, о чем же таком они говорили и почему Петька так долго не выходил.

Утром по дороге в школу я спросил об этом у Петьки.

– Мы с ним про машины говорили, какая самая лучшая. Я доказывал, что лучше «Мерседеса» нет ничего, а он говорил, что полно машин ещё лучше. А потом он пригласил меня к себе и показал свою коллекцию машинок, их у него штук сто! Знаешь, как интересно! И ещё он марки собирает, у него их аж три альбома! И вообще он такой интересный парень! Я с ним дружить буду.

– Как это дружить? Мы же с тобой дружим! А теперь ещё и Витька? Нет уж, если ты мой друг, то дружи только со мной. Мы прекрасно и без твоего Витьки обходились.

– С какой это стати? Я тебе что – крепостной? Получается, что я у тебя должен разрешения спрашивать, с кем дружить, а с кем нет? Петька страшно рассердился, и это был первый случай, когда мы с ним по-настоящему поссорились. В школе мы тоже не разговаривали, и домой я тоже шёл без Петьки.

Вечером мама у меня спросила:

– Чего это ты такой надутый ходишь? С Петькой, что ли, поссорился? Я удивляюсь, как это мама всегда угадывает, что со мной происходит? Пришлось ей всё рассказать про Петьку и про Витьку.

– Понимаешь, Петька оказался предателем, он нашу дружбу предал.

– И кто это тебе такую глупость сказал? Разве можно называть человека предателем только за то, что

он хочет ещё с кем-то дружить, кроме тебя? Ты что же, самый лучший на свете? Нет уж, дорогой, каждый человек имеет право распоряжаться собой, как он хочет, и дружить с кем хочет. Если ты будешь таким эгоистом, с тобой вообще никто дружить не будет.

– А кто такой – эгоист?

– Эгоист – это человек, который думает только о себе, чтоб только ему было хорошо, а с другими людьми вообще не считается.

– Неправда, я с Петькой всегда считался.

– Да, но ты хочешь, чтоб Петька принадлежал только тебе, а хорошо ли при этом Петьке, ты не подумал. Советую тебе попросить у него прощения. А дружить можно и втроём и даже целой компанией. Так даже интереснее. На следующий день я подошел к Петьке и сказал:

– Я тоже хочу с вами дружить. Можно?

– Ну, конечно, можно! – обрадовался Петька. Витька тоже рад будет! С тех пор мы дружим втроём, и нам хорошо.

Лариса Соколова

МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Следующие три дня шли дожди. Дети сидели дома и не знали, чем заняться. Но вот, на четвертый день, наконец-то, выглянуло солнышко. Стасик в это утро первым выскочил на балкон. Он оглядел двор и

увидел огромную лужу, размеры которой привели мальчика в восторг.

– Сережка! – закричал он вниз, потому что Сережка жил ниже этажом. – Сережка! Спишь, что ли?

– Чего кричишь? – недовольно отозвался тот, выходя на балкон и протирая заспанные глаза. Мальчишка явно не собирался так рано вставать.

– Хватит спать. Ты лучше посмотри, какая лужища!

Услышав про лужищу, с Сережки сон как рукой сняло.

– Ух, ты! – совсем другим голосом воскликнул он. – Это же можно в мореплавателей играть!

– Точно! Сделаем корабль и поплывем неизведанные земли открывать!

– Давай, одевайся, бери чего-нибудь для путешествия и выходи на улицу.

– А что надо для путешествия?

– Не знаю, наверное, плащ, бинокль, а самое главное – компас. У тебя есть компас?

– Нет.

– И у меня нет. Жалко. Ну, ладно, по солнцу будем ориентироваться. А ночью по луне, – заключил Сережка.

– Не по луне, а по звездам, – поправил его Стасик.

– Точно. Ну, ладно, на улице встретимся.

Мальчишки вернулись с балконов домой и начали буквально потрошить шифоньеры, вытаскивая оттуда

необходимые, по их мнению, вещи для мореплавателей. Когда они вышли на улицу, то не были похожи сами на себя. Первым шел Стасик. На нем был длинный плащ-палатка и резиновые сапоги. За плечами, свисая до пола, болтался огромный папин рюкзак. Сережка оделся полегче. Он был в маске для ныряния и ластах. Идти в ластах было очень неудобно, и он все время спотыкался и падал. Увидев друг друга, они очень удивились.

– А зачем маска и ласты? – удивился Стасик.

– А как же? Я ведь буду аквалангистом. Буду исследовать тайны морей, пока мы плывем к неизведанным берегам. Совсем, как Кусто.

– Какие еще кусты? – удивился Стасик.

– Эх ты, кусты! Не кусты, а Кусто, известный исследователь морей и океанов. Не смотрел что ли по телеку?

– Не-а.

– Темнота. Ну, так вот, я тоже буду таким же исследователем. Ясно?

– Ага, – понимающе кивнул Стас. – Теперь ясно.

– Нет, а ты-то, зачем рюкзак взял? Мы же не в поход собрались, а в плаванье.

– Ты что? А припасы? Мы ведь не каждый день к берегу приставать будем. Надо запастись припасами. Вот я и взял всякие там консервы.

– Здорово. Как это я сам не догадался?

В это время из окна их увидела Юлька. Мама как раз пыталась скрутить в косички ее непослушные волосы. С одной из них она уже справилась. Оставалась еще одна, но непоседливая дочь уже летела на балкон.

– Мальчишки! Куда это вы?

– В плаванье.

– В какое такое плаванье? А как же я?

– Еще чего? Что ты там делать-то будешь?

Юлька была возмущена, ее волосы развевались на ветру.

– Юля, вернись домой, – позвала мама.

– Сейчас.

Несколько минут, в течение которых мама заплетала косички, Юля сгорала от любопытства и нетерпения. Чуть только мама закончила, она уже бежала на улицу.

– Эх, и сорванец! – только и услышала девчонка, но ей было ужасно некогда. Она еще даже не успела выйти из подъезда, а уже возмущалась.

– Как это вы меня не берете? Как это мне там делать нечего?

– Женщины всегда ждут на берегу, – серьезно ответил Стас.

– И к тому же, я слышал, что женщины на корабле – к несчастью, – важно добавил Сережка.

– А как же врачи?

– Да, Стас, врач обязательно нужен, – подтвердил Сережка.

– Думаешь?

– Точно.

– А где твоя медицинская сумка с лекарствами и бинтами?

– А она как будто понарошку у меня есть, – быстро нашлась Юлька. Ей ужасно хотелось поиграть в новую игру.

– Никаких понарошку. У нас все всамделишное. Не видишь, что ли?

– А вы пока корабль стройте, а я сбегаю за сумкой. Ладно? Только без меня не уплывайте. Я быстро.

Мальчишки не успели ничего ответить, а Юльки уже и след простыл. Через пять минут она уже была на улице с игрушечным медицинским чемоданчиком в руке. Пластмассовые очки с круглой оправой делали ее еще больше похожей на врача.

– Медицинская сестра Юля Соколова к плаванию готова! – отрапортовала Юлька.

– Ишь ты, даже стихами получилось, – улыбнулся Серега.

– Учитесь! А у вас как дела? Построили корабль?

– Чего его строить? Вон он стоит, – кивнул на валяющуюся дверь Стас.

Кто-то выбросил ее, а нашим детям она пришлась как нельзя кстати. Осталось только дотащить ее до лужи.

– Тяжеловато будет, – засомневался Сережка.

– Ничего, справимся. В конце концов, мы же отважные мореплаватели.

Дети принялись за работу. Они пыхтели и кряхтели, но дело продвигалось очень медленно из-за их снаряжения. Сережка спотыкался из-за ласт. Юльке мешал чемоданчик и очки, которые все время спадали с носа. Стасика почти не было видно из-под его огромного плаща, а капюшон совсем закрыл его лицо.

– Фух, – откинул он надоевший капюшон. Лицо его было красным. – Так дело не пойдет. Нужна помощь.

– А вот и она, – сказала Юлька.

– Кто?

– Помощь, – девчонка указала на Юру. Он только что вышел из подъезда и, щурясь от солнца, жевал яблоко.

– Эй, обжора, идем сюда! – крикнула Юлька.

Юра увидел ребят и, метко бросив огрызок в чье-то оставленное ведро, вприпрыжку побежал к ним.

– Чего это вы тут делаете? – весело спросил он.

– В мореплавателей играем, – за всех ответила Юля. – Я – врач.

– А я – капитан, – гордо сказал Стасик.

– А я – аквалангист, а еще помощник капитана, – добавил Сережка.

– А это что? – указал на дверь Юра.

– Корабль. Видишь, мы его на воду спускаем. Давай, помоги нам.

– А кем я буду? – опять спросил Юра.

– Юнгой, – решил Стас.

– Это почему юнгой? Я, может, боцманом хочу. Или этим, как его? Который на мачте сидит и кричит: «Земля!».

– Ладно, будь, кем хочешь, только помоги спустить корабль, а то мы уже взмокли.

Освободившись от снаряжения, ребята все вместе принялись тащить свой «корабль». Скоро он плюхнулся в «море», подняв кучу брызг. Дети отряхнулись.

– Да... – озадаченно почесал в затылке Стас. – Что-то не спокойно море. Вон как волны разыгрались.

– Думаешь, будет шторм? – спросил помощник капитана Сережа.

– Что же, значит не плавательная погода? – огорчился Юра.

– Как это не плавательная? Очень даже плавательная. Или мы не отважные мореплаватели? – возмутился Стасик. – Грузите вещи на корабль!

Вещи погрузили очень быстро. Все залезли на дверь-корабль. Стас, так как он был в резиновых сапогах, оттолкнулся от берега. «Корабль» качнулся и поплыл.

– Эй, юнга! – закричал капитан. – Проверь шестом дно.

– Я не юнга, – опять возмутился Юра.

– Ну, все равно, проверь.

Юра опустил палку в воду. Лужа оказалась достаточно глубокой – по колено.

– Здесь мели нет, – сообщил он капитану.

– Отлично!

Стасик посмотрел в подзорную трубу, которую свернул из газеты.

– С права по борту пиратский корабль! – закричал Стас.

– Пиратский корабль?! – удивились все. И всем сразу же захотелось посмотреть в подзорную трубу на пиратский корабль.

Первой трубу выхватила Юлька, у которой терпения было меньше, чем у других. Увидев, справа по борту плывущую дощечку, она пришла в восторг и заскакала по палубе.

– Ура! Вижу пиратский корабль!

– Посмотрела, дай другим, – выхватил трубу Юрка.

– Что будем делать, Стасик? – спросила Юлька.

– Что еще за Стасик? Я капитан, а не Стасик. Ясно?

Это было ясно всем. Стасик еще раз посмотрел в трубу и сообщил:

– Они собираются нас атаковать. Будем принимать бой!

– Ура! – завопила ребятня.

Дети заскакали по двери, отчего она почти вся ушла под воду. Брызги полетели во все стороны. Это привело детей в еще больший восторг.

– Пираты стреляют из пушек! – кричала Юлька.

– Приготовиться отражать нападение! – командовал капитан. – Орудия к бою!

– Стреляй в них, – скакал Юрка.

Дети настолько раскачали «корабль», что он почти затонул. Особенно погрузилась в воду правая сторона, на которой лежал рюкзак с продуктами.

– Осторожно, припасы тонут! – закричал Сережка.

Он бросился спасать рюкзак и, не удержавшись, плюхнулся в воду. По луже пошла большая волна.

– Человек за бортом! – закричала Юлька.

Все вместе они втащили Сережку обратно. Наступила тишина. Сережка сидел на мокрой двери. С него ручьями стекала вода.

– От мамы, наверное, влетит, – нарушила тишину Юлька.

– Это точно, – подтвердил Сережка. – Ладно, навоевались. Я домой пошел.

Он слез с «корабля», вброд перешел «море» и направился к подъезду. Ребята молча следили за ним. На полпути Сережка остановился и обернулся к ребятам. Лицо у него было грязным и счастливым.

– А все-таки здорово сплавали! – крикнул он. Все каждого из них, наверное, ждало наказание. Но что могло быть прекраснее такого путешествия?

**Хрестоматія з дитячої літератури:
для іноземних студентів
(російською мовою)**

Укладач З.В.Савченко

Суми : Вид-во СумДПУ, 2018 р.
Свідоцтво ДК № 231 від 02.11.2000 р.

Комп'ютерний набір і верстка укладача

Здано в набір 20.11.2018. Підписано до друку 29.11.2018.

Формат 60x84x16. Гарн. Century Schoolbook.

Друк. ризограф. Папір офсет.

Умовн. друк. арк. 6,62. Обл.-вид. арк. 7,12.

Тираж 100. Вид. № 76.

Видавництво СумДПУ імені А. С. Макаренка
40002, м. Суми, вул. Роменська, 87

Виготовлено у видавництві СумДПУ імені А. С. Макаренка

